

— Ну, не разговаривай! Подай водки, да закусить чего-нибудь. Живо!

Съ этими словами Щепоткинъ вернулся къ батюшкѣ и, сморщившись, принялся ходить по комнатѣ, изрѣдка отплевываясь. Очевидно, онъ былъ не въ духѣ.

— Что, аль голова трещить?—спросилъ батюшка.

— Смерть!

— Урѣзаль вчерась. Помнишь, какъ куралесиль-то?

Батюшка захохоталъ, а Щепоткинъ нахмурился, но ничего не отвѣчалъ.

— Прозѣваль, братъ, барыню-то!—продолжалъ батюшка безъ злорадства.—Сейчасъ ѣду, а она на встрѣчу катить. Вся въ кружевахъ, въ лентахъ, платье не платье, зонтикъ не зонтикъ... къ инженеру поѣхала! А тебѣ—шинь!

Щепоткинъ еще больше нахмурился, но опять промолчалъ.

Принесли водку и сухую воблу на закуску. Щепоткинъ одну за другою сразу выпилъ три рюмки и опять заходилъ по комнатѣ. Но вдругъ глаза его свергнули, лицо налилось кровью, и онъ изо всѣхъ силъ ударилъ кулакомъ по столу.

— Не бывать этому! Не дамъ! Всѣ ноги обломаю!—крикнулъ онъ злобно.

— Руки коротки!

Вмѣсто отвѣта, Щепоткинъ засучилъ рукавъ и показалъ батюшкѣ свой жилистый, словно изъ желѣза сбитый, кулакъ. Потомъ опять выпилъ водки.

— И на кого промѣняла?—заговорилъ онъ, впадая въ слезливый тонъ.—На мальчишку, на франта голоногаго? Вѣдь ему что нужно? Денежки, больше ничего.

— А тебѣ-то развѣ не денежки тоже?—возразилъ батюшка.

— Это статья другая. Я съ деньгами обращаться умѣю. А вѣдь онъ милліонамъ-то живо глаза протретъ. Объ этомъ-то я и скорблю. Денегъ жалко!

— То-то! А на что тебѣ, спрашивается, деньги? Своихъ-то мало, что ли?

— Это не твое дѣло, много ли, мало ли у меня денегъ. Ихъ еще никто не считалъ, моихъ денегъ-то. А объ Фирсиныхъ деньгахъ я скорблю потому, что зря онѣ пойдутъ.

— Почему такъ зря? Инженеръ-то, думаешь, хуже тебя съумѣетъ распорядиться? Онъ парень, гляди, умный! Получше тебя найдется, куда деньги опредѣлить!

— Это почему же онъ лучше, а я нѣтъ?—спросилъ Щепоткинъ, начиная свирѣпѣть.